

УДК 323.21

Бронников И. А., Горбачев М. В., Кононенко О. С., Тимирчев И. К.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

МЕДИААКТИВИЗМ И ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление логики развития медиаактивизма, типологизация его этапов и анализ взглядов на дальнейшую траекторию его развития.

Процедура и методы. В статье проведён ретроспективный анализ медиаактивистских практик с 1990-х гг. до настоящего времени. При проведении исследования применены методы контент-анализа, интент-анализа, кейс-стади и компаративный подход.

Результаты. На основе изучения кейсов медиаактивизма с 1990-х по 2020 гг. были установлена этапы развития форм медиаактивизма, а также оценены различные точки зрения, касающиеся тенденций его дальнейших трансформаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию гражданского участия вообще и его форм, обусловленных цифровизацией, в частности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медиаактивизм, гражданская мобилизация, социальные медиа, слактивизм, цифровое участие, низовые инициативы

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31387 «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России».

СТРУКТУРА

Введение

Активизм и медиаактивизм в политической науке

История медиаактивизма: от «Битвы в Сиэтле» до современного усложнения

Медиаактивизм становится доступным и влиятельным: социальные сети и резонансные акции

Медиаактивизм усложняется: государства и платформы задают новые правила, активисты придумывают новые формы

Тренды и перспективы эволюции политического медиаактивизма в современном мире

Заключение

I. Bronnikov, M. Gorbachev, O. Kononenko, I. Timirchев

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

MEDIAACTIVISM AND CIVIL MOBILIZATION: GENESIS AND TENDENCIES

ABSTRACT

Aim. Revealing the logic of the development of media activism, typologizing its stages and analyzing views on the further trajectory of its development.

Methodology. The article provides a retrospective analysis of media activist practices since the 1990s until now. The methods of content analysis, intent analysis, case studies and a comparative approach were used in the research.

Results. The study of media activism from the 1990s to 2020 allowed to establish the stages of media activism development, the forms it took and to assess various points of view concerning the tendencies of its further transformations.

Research implications. The research results contribute to the theory of civic participation in general and its forms due to digitalization, in particular.

KEYWORDS

mediaactivism, civil mobilization, social media, slacktivism, digital participations, grassroots initiatives

ACKNOWLEDGMENT

This research was supported by an RFBR and ANO EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-31387 "Risks and threats of politicization of grassroots and hybrid civil initiatives in the context of the transformation of the political system of modern Russia".

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) изменило мир. Важнейшими факторами глубоких общественно-политических изменений являются информационная революция и создание гипермедиа. Уже в июне 2020 г. количество пользователей Сети достигло 4,8 млрд человек, а рост мировой аудитории интернета по сравнению с 2000 г. составил 1239%¹.

Политическое значение виртуального мира растёт. В начале 2000-х гг. было написано много работ, в которых обосновывался определённый скепсис в отношении тотального информационного влияния интернета на политику, а в качестве главных барьеров указывались отсутствие цифровых навыков у населения [19] и невозможность покупки дорогостоящих гаджетов [24]. В настоящий же момент в большинстве политико-управленческих процессов современных политий используются интернет-технологии, а мировой показатель проникновения интернета – более 63% [1].

¹ Internet User Statistics & 2020 Population for the 53 European Countries and Regions (2020) [Электронный ресурс] // Internet World Stats, June, 2020. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 21.11.2020).

В условиях, когда главной тенденцией последних лет стали снижение издержек коллективных действий и становление логики коннективности (по Л. Беннет и А. Сегерберг) [12], при которой открытый обмен идеями, контентом упрощает достижение общих целей, а закрытость традиционных медиа для немейнстримных политических движений и активистов делают интернет всё более привлекательной коммуникационной площадкой, зародились новые виды гражданского участия – интернет-активизм, онлайн-активизм, цифровой активизм, электронный активизм и медиаактивизм. Предлагаемое исследование нацелено на раскрытие генезиса медиаактивизма, типологизацию его этапов и анализ взглядов на дальнейшую траекторию его развития. Для достижения этой цели был проведён ретроспективный анализ медиаактивистских практик с 1990-х гг. до настоящего времени с использованием методов контент-анализа, интент-анализа и кейс-стади.

АКТИВИЗМ И МЕДИААКТИВИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современной политологической литературе вопросу о формах и видах политической активности уделяется самое пристальное внимание. На сегодняшний день можно выделить несколько научных школ, занимающихся исследованием проблемы гражданского участия с разных методологических позиций: бихевиоралисты, коммуникативисты и последователи теории политических сетей.

Бихевиоралисты отмечают, что под активизмом необходимо понимать добровольное, неформальное поведение группы людей, направленное на актуализацию и возможное решение социально значимых проблем. Сторонники **теории коммуникации** (К. Фукс, М. Баум) фиксируют, что активизм – это форма социально-групповой, публичной деятельности людей с общей, значимой для общества целью [3]. Как коммуникативисты, так и бихевиоралисты считают, что активизм в любой из возможных форм является действенным способом решения значимых индивидуальных или общественных проблем. Основная линия критики данных подходов заключается в том, что активистская деятельность возникает не только как реакция на релевантную проблему, но и как коллективная практика определённого общества с совместными интересами и ценностями.

Интегративная дефиниция активизма представлена в работах исследователей, опирающихся на **теорию политических сетей**. С их точки зрения, под активизмом следует понимать добровольную коллективную деятельность в системе отношений вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно [4]. Будем опираться на данное определение в рамках статьи.

Современная теория общественного участия предлагает две диаметрально противоположные исследовательские программы, в рамках которых авторы рассматривают разнообразные формы и виды активизма:

– видимые формы гражданского участия (американская политическая традиция), т. е. изучение формальных демократических инструментов участия граждан, доминирующих в развитых странах.

– анализ неформальных связей и практик, которые позволяют гражданам отстаивать свои права (европейская политическая традиция) [6].

Принципиальное отличие политического активизма от иных форм активистской деятельности К. Ширки² видит в возможности конструирования повестки дня и создания инфоповодов индивидами и/или различными группами с конкретными властными намерениями. Ключевая особенность политического активизма – присутствие властных отношений в различных акциях гражданского характера. Здесь необходимо отметить, что генеральная совокупность властных отношений включает в себя не только политически заинтересованных, властных участников, но и наличие политико-властных целей у самих активистов. Следовательно, под политическим активизмом исследователи понимают систему форм коллективных общественно-значимых действий, инициируемых с целью достижения политических результатов.

Сложнее обстоит ситуация с определением и конкретизацией понятия цифрового политического активизма, который в литературе называют также медиаактивизмом. Как отмечает О. А. Башева, трудности в определении медиаактивизма во многом вызваны новизной данного феномена. Фактически история медиаактивизма в мировом масштабе касается последних 30 лет (в РФ около 20 лет) [4].

Так, в начале века в академической среде наиболее популярными были следующие термины: «интернет-активизм», «кибер-активизм», «цифровой активизм», «информационный активизм». Поворотным моментом в изучении активности в интернете стали события «Арабской весны» 2011 г., после которых в литературе устойчиво закрепился термин «медиаактивизм». Выбор данного понятия был предопределён существенным изменением влияния социальных сетей на политическую жизнь целого ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока, где благодаря коммуникации активистов через социальные медиа удалось в короткие сроки ввести в состояние кризиса прежде устойчивые политические системы [7].

Действительно, на настоящий момент в науке можно встретить несколько терминов, так или иначе близких понятию «медиаактивизм». Данные расплывчатые термины были порождены попытками описать реальность, изменившуюся под влиянием социальных медиа. Целесообразно разобраться, в чём же особенность и каковы характеристики медиаактивизма.

Серьёзную попытку в решении данного вопроса предприняла М. Джойс [21], которая предложила следующее консенсуальное разграничение понятий:

² Shirky C. The Political Power of Social Media // Foreign Affairs: [сайт]. 2011. Vol. 90 (1). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-12-20/political-power-social-media> (дата обращения: 21.11.2020).

Группа понятий «кибер-активизм», «онлайн-организация», «онлайн-активизм» касается только активистских онлайн-практик. Если активисты используют устройства и технологии, не требующие доступа к Сети (флэшки, диски, мессенджер мексиканского стартапа Bridgefy³, работающий по Bluetooth, и пр.), их деятельность уже не может описываться такими терминами.

Группа понятий со словом «электронный» (например, «электронный активизм») подразумевает использование электронных устройств, но многие из них уже устарели, из-за чего такие термины представляются нерелевантными.

Группа понятий со словом «информационный» (например, «инфо-активизм») описывает не только использование ИКТ в практиках активизма, но и любую деятельность, направленную на распространение информации, в том числе раздачу газет, листовок или брошюр, что не отражает сути рассматриваемого явления.

Самым общим и одновременно исчерпывающим из возникших в 1990–2000-х гг. понятий, по мнению М. Джойс, является термин «*цифровой активизм*» (в русском переводе его также часто называют «диджитал-активизмом»), который отражает *скорость, надёжность, размеры и низкие издержки цифровой сети, благодаря которым современный активизм достиг огромных масштабов и охватов* [21]. Нам видится данный подход наиболее релевантным.

Однако стоит выделить в отдельную категорию деструктивные неконвенциональные формы цифрового активизма (хактивизм, кибертерроризм и пр.), которые подразумевают высокий уровень компьютерной грамотности и не предполагают использования ресурсов социальных медиа в коммуникационных целях. Данный вид нами рассматриваться не будет.

В рамках настоящей статьи будем использовать термин «медиаактивизм», предполагающий акцент на максимально возможном использовании ресурсов медиа для достижения определённых, зачастую социально-политических, целей [27]. Необходимо отметить, что одной из причин бурного развития медиаактивизма является отсутствие доступа к традиционным медиа у ущемлённых групп: недовольных, оппозиционеров, представителей коренных народов и т. д. Именно поэтому широкое распространение получили «крафтовые» интернет-издания, блоги, социальные сети и мессенджеры.

Сегодня можно говорить о самых разнообразных видах активности граждан в пространстве социальных медиа: экологическом медиаактивизме, арт-активизме, благотворительном медиаактивизме, *политическом медиаактивизме* и пр.

³ Данным мессенджером пользовались протестующие в Гонконге в 2019–2020 гг. Подробнее см.: Koetsier J. Hong Kong Protestors Using Mesh Messaging App China Can't Block: Usage Up 3685% // Forbes.com. [02.09.2020]. URL: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2019/09/02/hong-kong-protestors-using-mesh-messaging-app-china-cant-block-usage-up-3685/#2c6b955f135a> (дата обращения: 21.11.2020).

В научной литературе существует дискуссия относительно вопроса о том, что необходимо считать политическим медиаактивизмом. Сторонники технократического подхода, такие как С. Гонсалес-Байлон и Н. Ван, утверждают, что политический медиаактивизм является формой активизма, возникающей как результат актуализации проблем в самых разных сферах общественной жизни [16]. Согласно данному подходу, любая форма гражданского участия может стать частью политической повестки дня, затрагивая пространство политического опосредованно. В то же время критики данного подхода (П. Гербаудо) заявляют о его неоднозначности и определяют политический медиаактивизм как результат действия с изначально политическим целеполаганием [14]. Мы предполагаем целесообразным использовать точку зрения сторонников технократического подхода. Действительно, в политической практике последних лет известны случаи, когда активистская деятельность приобретала политическую значимость в ходе конкретной кампании (экологические протесты в Шиесе, акции против строительства храма в Екатеринбурге 2019 г.). Поэтому **под политическим медиаактивизмом мы будем понимать форму коллективного участия граждан в общественно-значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа.**

ИСТОРИЯ МЕДИААКТИВИЗМА: ОТ «БИТВЫ В СИЭТЛЕ» ДО СОВРЕМЕННОГО УСЛОЖНЕНИЯ

Развитие медиаактивизма тесно связано с технологическим развитием. Согласно К. Ширки, трансформация производственных отношений и ограничение длительности рабочего дня в развитых странах способствовали увеличению количества свободного времени человека и созданию когнитивного избытка – излишка внимания и умственных способностей. До интернета этот излишек в основном расходовался на пассивное медиа-потребление, а сегодня – на создание и трансляцию совместного пользовательского контента, от развлекательных постов до экспертной помощи органам власти [29]. Совместная работа в Сети может выстраиваться без иерархических структур с минимальными издержками участия, что способствует планомерному развитию всех форм медиаактивизма. Как видим, исторически сложилось, что история медиаактивизма тесно связана с историей развития интернета [5].

Первыми «социальными сетями (в значении не social media, а social network – П. авт.) с компьютерной поддержкой» [30], изменившими природу виртуальных и реальных сообществ, стали объединения активистов, использовавших горизонтальные сети для того, чтобы обойти информационную блокаду для продвижения альтернативной повестки [22]. В том числе поэтому первыми медиаактивистами становились представители контркультурных или даже маргинализованных сообществ, в частности представители антиглобалистских движений, использовавшие ограниченный (по сравнению с сегодняшним) инструментарий – сайты, блоги, e-mail – для координации и освещения своей деятельности.

Характерными для этого этапа развития медиаактивизма являются интернет-кампания леворадикального движения «Сапатистская армия национального освобождения» (САНО) в Мексике (1994) [13] и протесты антиглобалистов во время саммита ВТО в американском городе Сиэтле, более известные как «Битва в Сиэтле» (1999) [23]. В обоих случаях медиаактивисты использовали форумы, веб-страницы и email-рассылки для того, чтобы координировать действия активистов, передать информацию с места событий и попасть в повестку, прорвав информационную блокаду традиционных СМИ. Успех активистских действий ознаменовал наступление новой политической реальности [23], а сама «Битва в Сиэтле» стала поворотной точкой в истории развития глобального активизма вообще и медиаактивизма в частности.

МЕДИААКТИВИЗМ СТАНОВИТСЯ ДОСТУПНЫМ И ВЛИЯТЕЛЬНЫМ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И РЕЗОНАНСНЫЕ АКЦИИ

Появление платформ для блогинга и социальных сетей упростило обмен информацией, а стремительный рост количества блогов привёл к формированию альтернативной традиционным СМИ медиа-экосистемы – «блогосферы». Эра «web 2.0» изменила саму суть взаимодействия в Сети: стало легко не только создавать блоги и с их помощью делиться информацией, но и получать обратную связь – онлайн-аудитория становится полноценным транслятором и создателем контента.

Характерными примерами медиаактивизма на этом этапе стали кампании в Сингапуре (2005) [20] и США (2007) [28]. В обоих случаях для достижения своих целей медиаактивисты запускали акции в блогах: активные граждане и эксперты писали статьи в своих аккаунтах, а их менее активные сторонники копировали и публиковали эти статьи уже в своих блогах. Каждый пост снабжался гиперлинками на другие блоги, и образовывавшиеся таким образом медиа-сети попадали в поле зрения СМИ, что делало онлайн-кампании ещё более резонансными.

Социальные сети добавляли также новые инструменты и для организации офлайн-встреч, объединения по интересам вживую, чем ещё теснее связали виртуальный и реальный миры. Сначала Facebook, Twitter и другие платформы использовались медиаактивистами для расширения пространства диалога по социально-значимым проблемам, но 2011 г. показал, что социальные сети могут помочь медиаактивистам объединять людей для масштабных социальных изменений.

Волна протестов и восстаний на Ближнем Востоке и в странах Магриба в 2011 г. показала, что для выражения мнения, поиска сторонников среди миллионной аудитории и организации масштабных акций достаточно иметь телефон с доступом в интернет. Рост влияния политического медиаактивизма произошёл на фоне повышения уровня качества связи, позволяющей бы-

стрее обмениваться информацией в интернете: чем выше уровень проникновения 3G технологии в стране, тем легче выступать с публичной критикой отдельных действий правительства или государства в целом [17].

Яркие примеры этого этапа – медиаактивизм в Египте во время Арабской весны и движение «Захвати Уолл-стрит» в США. Они отличались разнообразием распространяемого через социальные сети контента [10], высокой степенью обратной связи от сочувствующих и способностью быстро переключаться между разными каналами коммуникации – от Facebook к Twitter, от Twitter к SMS-сообщениям [15].

Медиа-успех акции #OccupyWallStreet и Арабской весны показал: с помощью социальных сетей медиаактивисты могут влиять на повестку, мобилизовать сторонников и масштабироваться с гораздо более низкими издержками. Позже эти выводы были подтверждены в ходе протестов 2011–2012 гг. в России и 2011 г. в Чили.

МЕДИААКТИВИЗМ УСЛОЖНЯЕТСЯ: ГОСУДАРСТВА И ПЛАТФОРМЫ ЗАДАЮТ НОВЫЕ ПРАВИЛА, АКТИВИСТЫ ПРИДУМЫВАЮТ НОВЫЕ ФОРМЫ

Данный этап характеризуется противоречивыми тенденциями: рост государственных ограничений, распространение слактивизма, усложнение форм медиаактивизма.

Государственное регулирование Сети ограничивает свободу в интернет-пространстве. Большинство правительств так или иначе рассматривают социальные медиа как источник потенциальных угроз для национальной безопасности и потому требуют от Facebook, Twitter, Google и других платформ содействия антитеррористическим мероприятиям, контролю над распространением фейковых новостей и выполнению других требований, серьёзно ограничивающих инициативы некоторых медиаактивистов.

Актуализируется также проблема слактивизма, или фейкового активизма: когда реальное действие подменяется кликами, лайками или репостами – т. е. демонстрацией, а не реальным участием. Это происходит из-за того, что снижение транзакционных издержек инициативности может компенсироваться несерьёзным отношением граждан к цифровому участию (по сравнению с обязывающим «затратным» традиционным участием).

Кроме того, развитие технических навыков и рост количества технических специалистов среди медиаактивистов позволяют реализовать всё более сложные инициативы – создавать сервисы, приложения, карты в реальном времени и даже проводить исследования с применением больших данных (например, во время крупного землетрясения в Гаити в 2010 г. дата-активисты создали карту жертв и разрушений, обновлявшуюся в реальном времени, – она помогла и жителям, и спасателям [25]). Рост технических навыков медиаактивистов напрямую связан с социальной значимостью проектов, которые они готовы реализовать.

ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИААКТИВИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Начиная с момента появления медиаактивизма как специфической формы социального действия, жизнь общества оказалась во власти трендов социальных медиа. Влияние медиа стало причиной существенных трансформаций в структуре и характере массовой коммуникации. Данные изменения коснулись широкого круга институциональных кластеров: от государства с множеством его социально-значимых функций, трансформирующихся под влиянием медиа, до электронного гражданского общества.

Однако наибольшее влияние цифровой формат массовой коммуникации оказал на взаимоотношения государства и общества. Прежде всего нужно отметить, что новая реальность, в призме эффекта социальных медиа, послужила причиной трансформации формировавшихся на протяжении длительного периода времени моделей взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Реакция государственно-политических органов власти на эволюцию средств цифровой коммуникации отразилась на характере политических режимов в целом ряде государств, резко снизив уровень их объективированной транспарентности.

На текущий момент в исследовательской среде одним из наиболее острых вопросов является проблема перспектив развития отношений виртуального мира с реальным. Исследователи отмечают, что на сегодняшний день существует несколько важных альтернатив в развитии отношений государства и гражданского общества, которые предопределяют судьбу медиаактивизма уже в ближайшие десятилетия. В этом смысле современный этап эволюции медиаактивизма представляет собой точку бифуркации, где доминирующие тенденции эволюции взаимоотношений медиаактивизма с политическими субъектами будут определять судьбу цифрового сообщества в среднесрочной перспективе.

Известно, что в политологической литературе по проблеме перспектив медиаактивизма и будущего взаимоотношений цифрового, гражданского общества с государством есть четыре различных подхода. В каждом из этих подходов обозначаются перспективы развития медиаактивизма.

Первый сценарий развития медиаактивизма носит негативный, скептический характер по отношению к современному интернету. Его придерживаются интернет-скептики – группа исследователей, отрицающих серьёзность влияния интернета и медиаактивистов на общественно-политическое пространство современной жизни. К числу интернет-скептиков относят таких специалистов, как А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров [2]. В рамках разработанной интернет-скептиками концепции о будущем цифрового мира медиаактивизм подвергнется поэтапной деактуализации в результате целого ряда объективных условий. К таким условиям учёные относят взросление большей

части современного поколения социальных сетей, составляющей так называемый пользовательский авангард новых медиа. Исследователи предполагают, что медиаактивизм, как и отдельные сегменты интернета, с взрослением большей части нынешних пользователей, а также с приобретением ими интернет-грамотности будет играть всё меньшую роль в общественных процессах. Произойдёт естественная потеря повседневного интереса к массовому потреблению и обмену информации. Вся сфера пользовательского интернета станет более сегментированной и профессионализированной. Результатом таких тенденций станет кризис доверия к интернету как источнику информации, что резко снизит шансы медиаактивистов влиять на события в общественно-политической жизни общества. Данный прогнозный сценарий может обладать определённым уровнем исследовательской верификации, согласно которой сферу информационных технологий и социальных медиа в ближайшем будущем будет ожидать та же перспектива, что и традиционные СМИ.

Второй сценарий представляет собой реакцию интернет-оптимистов на тенденции современного развития медиаактивизма. Для специалистов, придерживающихся данного сценария (С. Д. Балмаева, М. М. Лукина, Л. Гуд), интернет представляет собой эффективный способ повседневного влияния на окружающую социально-политическую и общественную среду [9]. Учёные отмечают, что вместе с бурным развитием информационных технологий в ближайшие десятилетия будет увеличиваться количество медиаактивистов. Одновременно с ростом числа медиаактивистов усилится их влияние на общественно-значимые процессы. Интернет-оптимисты убеждены, что для полного доминирования медиаактивистов в общественной жизни не хватает ряда технических условий: широкомасштабного проникновения интернета в регионах, повышения цифровой грамотности и пр. С решением данных проблем наступит эпоха, в которой государство потеряет монополию на формирование повестки дня, а медиаактивисты получат возможность влиять на вектор социально-политического развития общества.

Третий сценарий развития медиаактивизма представлена концепцией «цифрового тоталитаризма» [8]. Согласно данной концепции, главными получателями выгоды от развития ИКТ станут государство и наиболее крупные транснациональные медиакорпорации.

Иными словами, медиакорпорации попытаются упрочить информационно-коммуникационную монополию, управление общественным мнением и регулирование деятельности медиаактивистов. Так, состоявшийся 6 января 2021 г. штурм Капитолия, организованный сторонниками Президента США Дональда Трампа, наглядно показал, каким образом может функционировать «цифровой тоталитаризм» на площадках таких корпораций, как Facebook и Google. В ответ на призывы медиаактивистов присоединиться к «Маршу Спасения Америки» наиболее популярные социальные сети (Twitter, Instagram, Facebook, TikTok и др.) стали массово блокировать пользовате-

лей – сторонников Трампа. Несколько позже во всех социальных сетях были заблокированы личные аккаунты самого Президента США. Причины блокировки аккаунтов назывались самые разные: от «больших рисков» (Facebook) до «нарушения политики о противодействии героизации насилия» (Twitter). Кроме того, учитывая действие раздела 230 закона Communications Decency Act (CDA), медиакорпорации имеют право модерировать контент (однако пользуются этим правом выборочно) и не несут ответственности за публикации пользователей. Подобные кризисные ситуации актуализируют вновь набравшие вопросы о принципах и правилах коммуникации в социальных медиа, а также о возрастающих возможностях государств и медиакорпораций в сфере регулирования онлайн-пространства.

Государство, осознавая потенциал возможных угроз от действий медиаактивистов, постарается организовать «альтернативные» версии интернета и социальных сетей. Такой альтернативный интернет даст возможность государству получить монополию на доминирующее мнение в разных вопросах общественно-политической жизни, а активность в пространстве альтернативного интернета станет малоэффективной. Исследователи отмечают, что в современном мире существует несколько наиболее ярких кейсов, подтверждающих верифицируемость данной гипотезы. К таковым можно отнести примеры существования альтернативного интернета в КНДР и КНР. В КНР к тому же реализуется система социального кредита, которая на основе цифровых технологий анализа больших данных составляет рейтинг среди граждан страны. Несмотря на заявленные благородные цели в виде развития электронной демократии, установления доверия между членами общества, ответственного отношения к социальному поведению и прозрачной системы социальной стратификации [11], выглядит эта система как воплощение Большого брата из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»⁴.

Однако исследователи отмечают, что в условиях «цифрового тоталитаризма» деятельность медиаактивистов не будет находиться под угрозой полного исчезновения. В особенности это касается тех стран, где активистский уровень политической культуры граждан станет причиной острых противостояний между гражданским обществом и государством. Что же касается стран с патерналистской политической культурой, в их случае ответом на появление альтернативного интернета станет конспиративный медиаактивизм [18]. Тенденции к появлению такой формы медиаактивности заметны уже сегодня – передовые мессенджеры и социальные сети (например, Telegram) стремятся сделать жизнь человека в сети всё более анонимной. Полная же анонимность пользователей, которая, по оценкам экспертов, станет реальностью уже в ближайшее десятилетие, позволит кооперироваться гражданам в интернете конспиративно, организовывать самые необычные формы

⁴ См.: Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру // Московский центр Карнеги: [сайт]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения: 21.11.2020).

медиаактивности непредсказуемо. Таким образом, органы государственной власти останутся без шансов к активному противодействию кампаниям медиаактивистов, что будет приводить к самым непредсказуемым последствиям в политической системе.

Наконец, **четвёртый сценарий** развития медиаактивизма представлен концепцией техносолюционизма [26], согласно которой решением проблем во взаимоотношениях власти и общества станет культурно-технологический прогресс. По мнению теоретиков техносолюционизма, интенсивное технологическое развитие станет причиной эволюции социальных медиа. По мере такой эволюции будут меняться не только культура гражданского участия, но и сама общественно-политическая культура социума. В результате смены культурных парадигм, проектируемых технологическими условиями и возникающими формами участия в социальных сетях, изменится и формат взаимоотношений политических акторов государства и гражданского общества в Сети. Концепция техносолюционизма предполагает позицию, согласно которой видимые противоречия между реальным социально-политическим миром и миром виртуального гражданского общества будут нивелированы за счёт технологических решений в результате эволюции форм, средств и способов массовых коммуникаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в течение последних трёх десятилетий – от зарождения онлайн-активностей до настоящего времени – медиаактивизм успел пройти эволюцию от довольно простой модели организации совместных действий до сложной формы коллективного участия в общественно-значимых действиях. Последняя предполагает использование технологичных, но в то же время доступных медиаинструментов, способных облегчить достижение индивидуальных или коллективных целей.

В результате ретроспективного анализа медиаактивистских практик стало очевидно, что медиаактивизм не только качественно эволюционировал, но и стал повседневной формой гражданского участия. Медиаактивизм как является важным элементом современного мира политики, который можно рассматривать как индикатор общественных состояний («демократия настроений»), так и способствует формированию цифрового формата диалога между государством и институтами гражданского общества. Несмотря на то, что дальнейшее развитие медиаактивизма вызывает много вопросов, внедрение активистских практик в политический процесс формирует вирусное продвижение инициатив, влияющих на всю общественно-политическую жизнь в целом.

Мы пришли к выводу, что в истории развития медиаактивизма можно выделить четыре основных этапа. Думается, что первый этап следует условно назвать «героический». В рамках него авторитетные медиаактивисты,

пытаясь преодолевать различные «информационные барьеры», делали акценты на своих выдающихся личностных качествах, которые необходимы для достижения поставленных политических целей и задач. В свою очередь, второй этап – «экспансия» – характеризовался активным продвижением идей медиаактивистов во все сферы общественной жизнедеятельности. Личностное измерение медиаактивизма трансформировалось в общественное. В результате феномен медиаактивизма проявлялся в тех областях социально-политической действительности, которые ранее им не охватывались. Думается, что третий период можно обозначить как «технологический». В его рамках происходили окончательное вытеснение личностных качеств медиаактивистов из информационного пространства, замещение их технологическими новациями самих каналов коммуникации. И, наконец, четвёртый этап – «разобщение». Считаем, что для него характерно всё более активное «столкновение» концептуальных подходов к политическому активизму. Это проявляется в выделении нескольких взаимоисключающих сценариев развития данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авзалова Э. И., Зазнаев О. И. Проблема взаимосвязи Интернета и политики в современных отечественных исследованиях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. № 15 (2). С. 245–260.
2. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. 2020. № 2. С. 73–91.
3. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41–57.
4. Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России [Электронный ресурс] // Pro et Contra. [2014]. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_148-163.pdf (дата обращения: 24.11.2020).
5. Колозариди П. История интернета: under construction // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 2. С. 10–16.
6. Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74–81.
7. Суслов И. В., Кныжова З. З. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. № 3. С. 59–66.
8. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. М.: АСТ, 2019. 342 с.
9. Шомова С. А. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // Полис. 2019. № 3. С. 157–173.
10. Alqudsi T. Creative use of Social Media in the Revolutions of Tunisia, Egypt & Libya // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences: Annual Review. 2012. Vol. 6. P. 147–158.

11. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetroenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // *Administrative consulting*. 2020. № 7. P. 20–31.
12. Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15. Iss. 5. P. 739–768.
13. Gelsomino M. The Zapatista Effect: Information Communication Technology Activism and Marginalized Communities // *Faculty of Information Quarterly*. 2010. Vol. 2 (2). P. 1–9.
14. Gerbaudo P. From cyber-autonomism to cyber-populism: An ideological history of digital activism // *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2017. Vol. 15. P. 477–489.
15. Gleason B. #OccupyWallStreet: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter // *American Behavioral Scientist*. 2013. Vol. 57 (7). P. 966–982.
16. González-Bailón S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. 2016. Vol. 44. P. 95–104.
17. Guriev S., Melnikov N., Zhuravskaya E. 3G Internet and Confidence in Government [Электронный ресурс] // *Quarterly Journal of Economics*, Forthcoming. [2019]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3456747> (дата обращения: 21.11.2020).
18. Hahn N. What good is Twitter? The value of social media to public service journalism [Электронный ресурс] // *LSE Research Online Documents on Economics*. 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/59881/1/Hahn_What-good-is-twitter_2013.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
19. Hargittai E., Shafer S. Differences in Actual and Perceived Online Skills: The Role of Gender // *Social Science Quarterly*. 2006. Vol. 87 (2). P. 432–448.
20. Ibrahim Y. Capital punishment and virtual protest: A case study of Singapore // *First Monday*. 2006. № 11 (10). DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v11i10.1407>.
21. Joyce M. Digital activism decoded. New York: IDEBATE Press, 2010. 240 p.
22. Juris J. S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2005. Vol. 597 (1). P. 189–208.
23. Kahn R., Kellner D. New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging // *New Media & Society*. 2004. Vol. 6 (1). P. 87–95.
24. Luyt B. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide / ed. P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 303 p.
25. Milan S. Data Activism as the New Frontier of Media Activism // *Media Activism in the Digital Age* / ed. V. Pickard, G. Yang. London: Routledge, 2017. P. 151–163.
26. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. New York: Public Affairs, 2013. 432 p.
27. *Media Activism in the Digital Age* / ed. V. Pickard, G. Yang. London: Routledge, 2017. 248 p.
28. The Internet as a Tool for Black Feminist Activism: Lessons From an Online Antirape Protest / L. Rapp, D. M. Button, B. Fleury-Steiner, R. Fleury-Steiner // *Feminist Criminology*. 2010. Vol. 5 (3). P. 244–262.

29. Shirky C. *Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age*. New York: Penguin Press, 2010. 258 p.
30. *Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework, and Virtual Community* / B. Wellman, J. Salaff, D. Dimitrova, L. Garton, M. Gulia, C. Haythornthwaite // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 22. P. 213–238.

REFERENCES

1. Avzalova E. I., Zaznaev O. I. [The Problem of Interrelation of the Internet and Politics in Modern Russian Researches]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2019, no. 15 (2), pp. 245–260.
2. Ahremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. [Network vs Message in Protest Diffusion in Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives]. In: *Polis*. [Polis.], 2020, no. 2, pp. 73–91.
3. Basheva O. A. [Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], 2020, vol. 6, no. 1, pp. 41–57.
4. Demakova K., Makoveckaja S., Skrjakova E. [Non-political Activism in Russia]. In: *Pro et Contra*, 2014. Available at: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_148-163.pdf (accessed: 24.11.2020).
5. Kolozaridi P. [The History of the Internet: under construction]. In: *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates on Politics and Culture], 2020, no. 2 (130), pp. 10–16.
6. Pyrma R. V. [Concepts of Civil Activism in the Digital Space of Communications]. In: *Vlast'* [Power], 2020, no. 2, pp. 74–81.
7. Suslov I. V., Knyzhova Z. Z. [The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet-space: a Review of Empirical Research in the Global and Russian contexts]. In: *Vlast'* [Power], 2019, no. 3, pp. 59–66.
8. Chetverikova O. N. *Cifrovoy totalitarizm* [Digital Totalitarianism]. Moscow, AST Publ., 2019. 342 p.
9. Shomova S. A. [2018 Russian Presidential Elections in the Mirror of Memes: New Realities of Political Communications]. In: *Polis*. [Polis.], 2019, no. 3, pp. 157–173.
10. Alqudsi T. Creative use of Social Media in the Revolutions of Tunisia, Egypt & Libya. In: *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences: Annual Review*, 2012, vol. 6, pp. 147–158.
11. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers. In: *Administrative consulting*, 2020, no. 7, pp. 20–31.
12. Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. In: *Information, Communication & Society*, 2012, vol. 15, iss. 5, pp. 739–768.
13. Gelsomino M. The Zapatista Effect: Information Communication Technology Activism and Marginalized Communities. In: *Faculty of Information Quarterly*, 2010, vol. 2 (2), pp. 1–9.
14. Gerbaudo P. From cyber-autonomism to cyber-populism: An ideological history of digital activism. In: *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 2017, vol. 15, pp. 477–489.

15. Gleason B. #OccupyWallStreet: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. In: *American Behavioral Scientist*, 2013, vol. 57 (7), pp. 966–982.
16. González-Bailón S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. In: *Social Networks*, 2016, vol. 44, pp. 95–104.
17. Guriev S. Melnikov N., Zhuravskaya E. 3G Internet and Confidence in Government. In: *Quarterly Journal of Economics*, Forthcoming, 2019. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3456747> (accessed: 21.11.2020).
18. Hahn N. What good is Twitter? The value of social media to public service journalism. In: *LSE Research Online Documents on Economics*, 2013. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/59881/1/Hahn_What-good-is-twitter_2013.pdf (accessed: 21.11.2020).
19. Hargittai E., Shafer S. Differences in Actual and Perceived Online Skills: The Role of Gender. In: *Social Science Quarterly*, 2006, vol. 87 (2), pp. 432–448.
20. Ibrahim Y. Capital punishment and virtual protest: A case study of Singapore. In: *First Monday*, 2006, no. 11 (10), DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v11i10.1407>.
21. Joyce M. Digital activism decoded. New York, IDEBATE Press, 2010. 240 p.
22. Juris J. S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements. In: *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2005, vol. 597 (1), pp. 189–208.
23. Kahn R., Kellner D. New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging. In: *New Media & Society*, 2004, vol. 6 (1), pp. 87–95.
24. Luyt B. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 303 p.
25. Milan S. Data Activism as the New Frontier of Media Activism. In: Pickard V., Yang G., eds. *Media Activism in the Digital Age*. London, Routledge, 2017, pp. 151–163.
26. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. New York, Public Affairs, 2013. 432 p.
27. Pickard V., Yang G., eds. *Media Activism in the Digital Age*. London, Routledge, 2017. 248 p.
28. Rapp L., Button D. M., Fleury-Steiner B., Fleury-Steiner R. The Internet as a Tool for Black Feminist Activism: Lessons From an Online Antirape Protest. In: *Feminist Criminology*, 2010, vol. 5 (3), pp. 244–262.
29. Shirky C. Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York, Penguin Press, 2010. 258 p.
30. Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Garton L., Gulia M., Haythornthwaite C. Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework, and Virtual Community. In: *Annual Review of Sociology*, 2003, vol. 22, pp. 213–238.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.11.2020

Статья размещена на сайте: 30.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бронников Иван Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ivbronn@gmail.com

Горбачев Михаил Валерьевич – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ussr-86@mail.ru

Кононенко Олег Сергеевич – студент магистратуры факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: okey_ok_ey@hotmail.com

Тимирчев Илья Константинович – студент магистратуры факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: romeos22gr@gmail.com

Ivan A. Bronnikov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ivbronn@gmail.com

Mikhail V. Gorbachev – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ussr-86@mail.ru

Oleg S. Kononenko – Master's Degree Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: okey_ok_ey@hotmail.com

Ilya K. Timirchev – Master's Degree Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: romeos22gr@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции / И. А. Бронников, М. В. Горбачев, О. С. Кононенко, И. К. Тимирчев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bronnikov I. A., Gorbachev M. V., Kononenko O. S., Timirchev I. K. Mediaactivism and civil mobilization: genesis and tendencies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru